

несколько наняно, но условия нашей эмигрантской политической жизни диктуют нам с настоятельностью сделать эти оговорки.

Мы стремимся предоставить всем сотрудникам «Р. Вр.» максимальную свободу в выражении своих взглядов; с другой стороны, между ними имеются люди, не согласные даже с основными положениями, определяющими наше направление. Поэтому мы еще раз повторяем уже делавшееся в предыдущих номерах заявление, что в «Р. Вр.» каждый автор ответствен только за свою статью и выражает только свои личные взгляды.

С. П.

† С. А. Хатаев.

28-го апреля 1939 года, в Париже, в госпитале Ст.-Мишель, на 4-й день после сложной и мучительной операции, скончался Семен Андреевич Хатаев.

С. А. Хатаев происходил из уважаемой осетинской семьи — казаков станицы Черноярской, Терского Казачьего Войска. Окончив реальное училище во Владикавказе, Семен Андреевич поступил в Институт Инженеров Путей Сообщения в Петрограде.

Революция и гражданская война прерывают его образование, и Семен Андреевич спешит пробраться через бушующий российский пожар к себе на Терек, где и принимает действительное участие в рядах своих станичников в умиротворении родного края и в борьбе за лучшее будущее России.

В действующей армии он оставался до конца и уже в Сербии успешно окончил Николаевское кав. училище.

Осетин по рождению и казак славной терской семьи, Семен Андреевич никогда, ни в своих помыслах, ни в своих действиях не допускал измены русскому национальному единству.

Горячо любя Кавказ, свой осетинский народ и его историческое прошлое, он в то же время глубоко осуждал и презирал всякие кавказские сепаратистские стремления. Целый ряд его статей в «Русском Временике» и в «Казачьем Пути», где он писал под псевдонимом «Кавказец», — ярко обрисовывают его позицию в этом вопросе.

Заразный и тлетворный воздух сепаратизма, продукта революционного брожения, не коснулся души стойкого кавказца.

Соблазны, действующие с особенной силой в минуты падения на слабые души, были чужды и мерзко-противны ему. Честный казак до конца дней своих сохранил верность русской монархической национальной идее, не нанося в то же время ущерба ни своему кровному чувству осетина, ни своим адатам.

Его пылкий и наблюдательный ум видел много слабых сто-

рон русского человека, в особенности интеллигента, но, негодая и порицая эти слабости и болея душой над случившейся российской катастрофой, он не порывал ни с русским гением, ни с русской судьбой.

Будущее России представлялось ему славным, могущественным, великим и духовно возрожденным.

В близость этого возрождения он глубоко верил.

Мне кажется, что мировоззрение и чаяния покойного и его отношение к историческим событиям, свидетелем и участником которых ему довелось быть, лучше всего могут быть охарактеризованы следующими фразами нашего национального историка Карамзина: «Настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные гением России: ибо гром их пробудил Ее спящую славу и народу униженному возвратил благородство духа».

В лице Семена Андреевича Хатаева осетины потеряли своего мужественного брата, Россия — верного и честного сына.

Мир его праху!

Дм. Тарасенков.

ЛЕВ ЗАКУТИН.

З а м е т к и

1. ОБ АНТИНОМИИ СВОБОДЫ И АВТОРИТЕТА.

Проблема сочетания (или, напротив, невозможности сочетания) свободы и авторитета — едва ли не центральная для демократов. Да и вообще, это — злоба дня.

Однако, для плодотворности обсуждения требуется максимальная ясность в выражениях и формулировках. В антиномии свобода — авторитет, прежде всего, двусмысленен второй термин. О каком авторитете идет речь: о всяком ли? Нет, конечно; не о всяком. Разве, например, члены Французской Академии, выдающиеся представители искусства и знания, или просто общепризнанные «знатоки» или «законодатели мод» в какой-нибудь области, или наиболее серьезные газеты, и т. д. — не пользуются авторитетом в демократической Франции? И уменьшался ли их престиж во времена «распуцекности» при правительстве Народного Фронта? Вовсе нет.

Очевидно, дело касается не всякого авторитета, а авторитета особого рода — принудительного; или, короче — принуждения. Тогда антиномия станет еще явнее, и проблема покажется действительно безнадежной.

Ведь свобода — свобода в социальном плане — есть отсутствие принуждения, а принуждение — отсутствие свободы. Как же их сочетать? — Невозможно. Надо выбирать... *Faites votre jeux.*